

Д. МАМИН-СИБИРЯК

ТЕКСТ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Алёнушкины сказки

ВХОДИТ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк
Алёнушкины сказки
Серия «Правильное чтение»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36965060
Алёнушкины сказки / Дмитрий Мамин-Сибиряк ; ил. Екатерины и
Елены Здорновых: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-699-97475-7

Аннотация

«Алёнушкины сказки» – цикл детских сказок, написанных русским писателем Дмитрием Наркисовичем Маминым-Сибиряком (1852–1912) для своей маленькой дочери Елены. Среди героев этого сказочного цикла – одушевлённые животные и насекомые, цветы и птицы. Сказки стали классикой детской литературы и входят в школьную программу.

Содержание

Присказка	5
Сказка про храброго Зайца – длинные уши, косые глаза, короткий хвост	7
Сказочка про Козявочку	14
Сказка про Комара Комаровича – длинный нос и мохнатого Мишу – короткий хвост	26
Ванькины именины	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алёнушкины Сказки

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Алёнушкины сказки

Присказка

Баю-баю-баю...

Один глазок у Алёнушки спит, другой – смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое – слушает.

Спи, Алёнушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пёс Постойко, и серая Мышка-норушка, и Сверчок за печкой, и пёстрый Скворец в клетке, и забияка

Петух.

Спи, Алёнушка, сейчас сказка начинается. Вон уже в окно смотрит высокий месяц; вон косо́й заяц проковылял на своих валенках; волчьи глаза засветились жёлтыми огоньками; медведь Мишка сосёт свою лапу. Подлетел к самому окну старый Воробей, стучит носом о стекло и спрашивает: скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут Алёнушкиной сказки.

Один глазок у Алёнушки спит, другой – смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое – слушает.

Баю-баю-баю...

Сказка про храброго Зайца – длинные уши, косые глаза, короткий хвост

Родился зайчик в лесу и всё боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнёт птица, упадёт с дерева ком снега – у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год; а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

– Никого я не боюсь! – крикнул он на весь лес. – Вот не боюсь нисколько, и всё тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи – все слушают, как хвастается Заяц – длинные уши, косые глаза, короткий хвост, – слушают и своим собственным ушам не верят. Не было ещё, чтобы заяц не боялся никого.

– Эй ты, косо́й гла́з, ты и волка не бои́шься?

– И волка не бо́юсь, и лисицы, и медве́дя – нико́го не бо́юсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц!.. Ах, какой смешной! И всем вдруг

сделалось весело. Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

– Да что тут долго говорить! – кричал расхрабренный окончательно Заяц. – Ежели мне попадётся волк, так я его сам съем...

– Ах, какой смешной Заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной, и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк – тут как тут.

Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!» – как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого Волка, поминают. Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошёл волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше – хвастун Заяц – косые глаза, длинные уши, короткий хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» – подумал серый Волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью. А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего. Кончилось тем, что хвастун Заяц взобрался на пенёк, уселся на задние лапки и заговорил:

– Слушайте вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня! Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я... я... я...

Тут язык у хвастуна точно примёрз.

Заяц увидел глядевшего на него Волка. Другие не видели,

а он видел и не смелдохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвастун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страху упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем прокатился по волчьей спине, перевернулся ещё раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный Зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему всё казалось, что Волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и за-
мертво свалился под куст.

А Волк в это время бежал в другую сторону. Когда Заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И Волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный...

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенёк, кто завалился в ямку.

Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать, кто похрабрее.

– А ловко напугал Волка наш Заяц! – решили все. – Если бы не он, так не уйти бы нам живыми... Да где же он, наш бесстрашный Заяц?..

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго Зайца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

– Молодец, косой! – закричали все зайцы в один голос. – Ай да косой!.. Ловко ты напугал старого Волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый Заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

– А вы бы как думали! Эх вы, трусы...

С этого дня храбрый Заяц начал сам верить, что действительно никого не боится.

Баю-баю-баю...

Сказочка про Козявочку

Как родилась Козявочка, никто не видал.

Это был солнечный весенний день. Козявочка посмотрела кругом и сказала:

– Хорошо!..

Расправила Козявочка свои крылышки, потёрла тонкие ножки одна о другую, ещё посмотрела кругом и сказала:

– Как хорошо!.. Какое солнышко тёплое, какое небо синее, какая травка зелёная, – хорошо, хорошо!.. И всё моё!..

Ещё потёрла Козявочка ножками и полетела. Летает, любит всем и радуется. А внизу травка так и зеленеет, а в травке спрятался аленький цветочек.

– Козявочка, ко мне! – крикнул цветочек.

Козявочка спустилась на землю, вскарабкалась на цветочек и принялась пить сладкий цветочный сок.

– Какой ты добрый, цветочек! – говорит Козявочка, вытирая рыльце ножками.

– Добрый-то добрый, да вот ходить не умею, – пожаловался цветочек.

– И всё-таки хорошо, – уверяла Козявочка. – И всё моё...

Не успела она ещё договорить, как с жужжанием налетел мохнатый Шмель – и прямо к цветочку:

– Жж... Кто забрался в мой цветочек? Жж... кто пьёт мой сладкий сок? Жж... Ах ты, дрянная Козявка, убирайся вон! Жжж... Уходи вон, пока я не ужалил тебя!

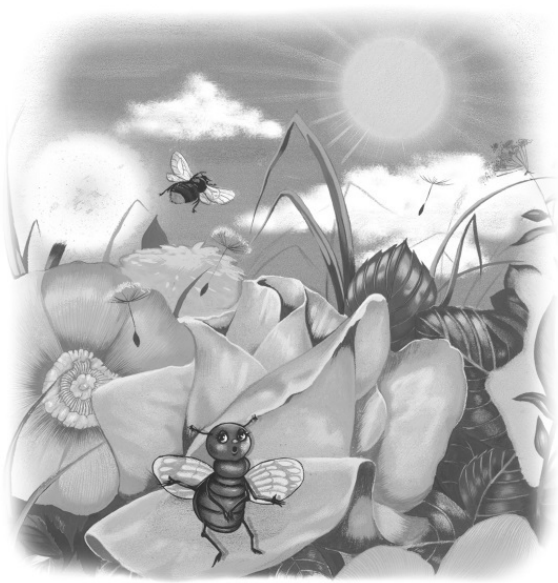
– Позвольте, что же это такое? – запищала Козявочка. – Всё, всё моё...

– Жжж... Нет, моё!

Козявочка едва унесла ноги от сердитого Шмеля. Она присела на травку, облизала ножки, запачканные в цветочном соку, и рассердилась:

– Какой грубиян этот Шмель!.. Даже удивительно!.. Ещё ужалить хотел... Ведь всё моё – и солнышко, и травка, и цветочки.

– Нет уж, извините – моё! – проговорил мохнатый Червячок, карабкавшийся по стебельку травки.

Козявочка сообразила, что Червячок не умеет летать, и заговорила смелее:

– Извините меня, Червячок, вы ошибаетесь... Я вам не мешаю ползать, а со мной не спорьте!..

– Хорошо, хорошо... Вот только мою травку не троньте. Я этого не люблю, признаться сказать... Мало ли вас тут летает... Вы народ легкомысленный, а я Червячок серьёзный... Говоря откровенно, мне всё принадлежит. Вот заползу на травку и съем, заползу на любой цветочек и тоже съем. До

свидания!..

В несколько часов Козявочка узнала решительно всё, именно: что, кроме солнышка, синего неба и зелёной травки, есть ещё сердитые шмели, серьёзные червячки и разные колючки на цветах. Одним словом, получилось большое огорчение. Козявочка даже обиделась. Помилуйте, она была уверена, что всё принадлежит ей и создано для неё, а тут другие то же самое думают. Нет, что-то не так... Не может этого быть.

Летит Козявочка дальше и видит – вода.

– Уж это моё! – весело запищала она. – Моя вода... Ах, как весело!.. Тут и травка, и цветочки.

А навстречу Козявочке летят другие козявочки.

– Здравствуй, сестрица!

– Здравствуйте, милые... А то уж мне стало скучно одной летать. Что вы тут делаете?

– А мы играем, сестрица... Иди к нам. У нас весело... Ты недавно родилась?

– Только сегодня... Меня чуть Шмель не ужалил, потом я видела Червяка... Я думала, что всё моё, а они говорят, что всё ихнее.

Другие козявочки успокоили гостью и пригласили играть вместе. Над водой козявки играли столбом: кружатся, летают, пищат. Наша Козявочка задыхалась от радости и скоро совсем забыла про сердитого Шмеля и серьёзного Червяка.

– Ах, как хорошо! – шептала она в восторге. – Всё моё: и солнышко, и травка, и вода. Зачем другие сердятся, решительно не понимаю. Всё моё, а я никому не мешаю жить: ле-

тайте, жужжите, веселитесь. Я позволяю...

Поиграла Козявочка, повеселилась и присела отдохнуть на болотную осоку. Надо же и отдохнуть, в самом деле! Смотрит Козявочка, как веселятся другие козявочки; вдруг, откуда ни возьмись, воробей – как шмыгнёт мимо, точно кто камень бросил.

– Ай, ой! – закричали козявочки и бросились врассыпную.

Когда воробей улетел, не досчитались целого десятка козявочек.

– Ах, разбойник! – бранились старые козявочки. – Целый десяток съел.

Это было похуже Шмеля. Козявочка начала бояться и спряталась с другими молодыми козявочками ещё дальше в болотную траву.

Но здесь другая беда: двух козявочек съела рыбка, а двух – лягушка.

– Что же это такое? – удивлялась Козявочка. – Это уже совсем ни на что не похоже... Так и жить нельзя. У, какие гадкие!..

Хорошо, что козявочек было много и убыли никто не замечал. Да ещё прилетели новые козявочки, которые только что родились. Они летели и пищали:

– Всё наше... Всё наше...

– Нет, не всё наше, – крикнула им наша Козявочка. – Есть ещё сердитые шмели, серьёзные червяки, гадкие воробьи, рыбки и лягушки. Будьте осторожны, сестрицы!

Впрочем, наступила ночь, и все козявочки попрятались в камышах, где было так тепло. Высыпали звёзды на небе, взошёл месяц, и всё отразилось в воде.

Ах, как хорошо было!..

«Мой месяц, мои звёзды», – думала наша Козявочка, но никому этого не сказала: как раз отнимут и это...

Так прожила Козявочка целое лето.

Много она веселилась, а много было и неприятного. Два раза её чуть-чуть не проглотил проворный стриж; потом незаметно подобралась лягушка, – мало ли у козявочек всяких врагов! Были и свои радости. Встретила Козявочка другую такую же козявочку, с мохнатыми усиками. Та и говорит: – Какая ты хорошенькая, Козявочка... Будем жить вместе.

И зажили вместе, совсем хорошо зажили. Всё вместе: куда одна, туда и другая. И не заметили, как лето пролетело. Начались дожди, холодные ночи. Наша Козявочка нанесла яичек, спрятала их в густой траве и сказала:

– Ах, как я устала!..

Никто не видал, как Козявочка умерла.

Да она и не умерла, а только заснула на зиму, чтобы весной проснуться снова и снова жить.

Сказка про Комара Комаровича – длинный нос и мохнатого Мишу – короткий хвост

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович – длинный нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

– Ой, батюшки!.. ой, карраул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

– Что случилось?.. Что вы орёте?

А комары летают, жужжат, пищат – ничего разобрать нельзя.

– Ой, батюшки!.. Пришёл в наше болото медведь и завалялся спать. Как лёг в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров; какдохнул – проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передалвил...

Комар Комарович – длинный нос сразу рассердился; рассердился и на медведя, и на глупых комаров, которые пищали без толку.

– Эй вы, перестаньте пищать! – крикнул он. – Вот я сейчас пойду и прогоню медведя... Очень просто! А вы орёте только напрасно...

Ещё сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую

густую траву, где комары жили испокон века, развалился и носом сопит, только свист идёт, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь!.. Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да ещё спит так сладко!

– Эй, дядя, ты это куда забрался? – закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз – никого не видно, открыл другой глаз – едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

– Тебе что нужно, приятель? – заворчал Миша и тоже начал сердиться. Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит.

– Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

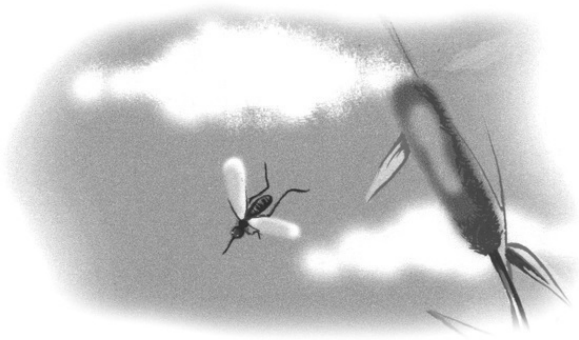
– Да что тебе нужно, негодная тварь? – зарычал он.

– Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю... Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на всё болото:

– Ловко я напугал мохнатого Мишку!.. В другой раз не придёт.

Подивились комары и спрашивают:

– Ну а сейчас-то медведь где?

– А не знаю, братцы... Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдёт. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: съем. Боюсь, как бы он не околел со страху, пока я к вам летаю... Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили, как им быть с невежей медведем. Никогда ещё в болоте не было такого страшного шума. Пищали, пищали и решили – выгнать медведя из болота.

– Пусть идёт к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше... Ещё отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выпится – сам уйдёт, но на неё все так накинулись, что бед-

ная едва успела спрятаться.

– Идём, братцы! – кричал больше всех Комар Комарович. – Мы ему покажем... да!

Полетели комары за Комаром Комаровичем. Летят и пищат, даже самим страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

– Ну, я так и говорил: умер бедняга со страху! – хвастался Комар Комарович. – Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище...

– Да он спит, братцы, – пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

– Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! – запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт. – Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит как ни в чём не

бывало...

А мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

– Он притворяется, что спит! – крикнул Комар Комарович и полетел на медведя. – Вот я ему сейчас покажу... Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьётся своим длинным носом прямо в чёрный медвежий нос, Миша так и вскочил – хватать лапой по носу, а Комар Комаровича как не бывало.

– Что, дядя, не понравилось? – пищит Комар Комарович. – Уходи, а то хуже будет... Я теперь не один Комар Комарович – длинный нос, а прилетели со мной и дедушка, Ко-

марище – длинный носище, и младший брат, Комаришко – длинный носишко! Уходи, дядя...

– А я не уйду! – закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. – Я вас всех передавлю...

– Ой, дядя, напрасно хвастаешь...

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович вьётся над самым медвежьим ухом и пищит:

– Я тебя съем, дядя...

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую берёзу и принялся колотить ею комаров. Так и ломит со всего плеча... Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет – все вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжёлый камень и запустил им в комаров – опять толку нет.

– Что, взял, дядя? – пищал Комар Комарович. – А я тебя всё-таки съем...

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рёв. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил!.. Всё ему хотелось зацепить первого Комара Комаровича, – ведь вот тут, над самым ухом вьётся, а хватит медведь лапой, и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку – давай кататься по траве, чтобы передавить всё комариное царство. Катался, катался Миша, однако и из этого ничего не вышло, а только ещё больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох. Вышло того хуже – комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

– Постойте, вот я вам задам!.. – ревел он так, что за пять вёрст было слышно. – Я вам покажу штуку... я... я... я...

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ре-вёт:

– Ну-ка, подступитесь теперь ко мне... Всем носы пообломаю!..

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на

медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут... Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся да как сорвется с сука, точно мешок... Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

– Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?..

Еще тоньше рассмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

– Я тебя съем... я тебя съем... съем... съем!..

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

– Охота вам, Михайло Иванович, беспокоить себя напрасно!.. Не обращайтесь вы на этих дрянных комаришек внима-

ния. Не стоит.

– И то не стоит, – обрадовался медведь. – Я это так... Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я... я...

Как повернётся Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович – длинный нос летит за ним, летит и кричит:

– Ой, братцы, держите! Убежит медведь... Держите!..

Собрались все комары, посоветовались и решили: «Не стоит! Пусть его уходит – ведь болото-то осталось за нами!»

Ванькины именины

Бей, барабан, та-та! тра-та-та! Играйте, трубы: тру-ту! ту-ру-ру!.. Давайте сюда всю музыку – сегодня Ванька именинник!.. Дорогие гости, милости просим... Эй, все собирайтесь сюда! Тра-та-та! Тру-ру-ру!

Ванька похаживает в красной рубахе и приговаривает:

– Братцы, милости просим... Угощения – сколько угодно. Суп из самых свежих щепок; котлеты из лучшего, самого чистого песку; пирожки из разноцветных бумажек; а какой чай! Из самой хорошей кипячёной воды. Милости просим... Музыка, играй!..

Та-та! Тра-та-та! Тру-ту! Ту-ру-ру!

Гостей набралась полная комната. Первым прилетел пузатый деревянный Волчок.

– Жж... жж... где именинник? Жж... жж... Я очень люблю повеселиться в хорошей компании...

Пришли две куклы. Одна – с голубыми глазами, Аня, у неё немного был попорчен носик; другая – с чёрными глазами, Катя, у неё не доставало одной руки. Они пришли чинно и заняли место на игрушечном диванчике.

– Посмотрим, какое угощение у Ваньки, – заметила Аня. –
Что-то уж очень хвастает. Музыка недурна, а относительно
угощения я сильно сомневаюсь.

– Ты, Аня, вечно чем-нибудь недовольна, – укорила её Катя.

– А ты вечно готова спорить.

Куклы немного поспорили и даже готовы были поссориться, но в этот момент приковылял на одной ноге сильно подержанный Клоун и сейчас же их примирил.

– Всё будет отлично, барышни! Отлично повеселимся. Конечно, у меня одной ноги недостаёт, но ведь Волчок и на одной ноге вон как кружится. Здравствуй, Волчок...

– Жж... Здравствуй! Отчего это у тебя один глаз как будто подбит?

– Пустяки... Это я свалился с дивана. Бывает и хуже.

– Ох, как скверно бывает... Я иногда со всего разбега так стукнусь в стену, прямо головой!..

– Хорошо, что голова-то у тебя пустая...

– Всё-таки больно... жж... Попробуй-ка сам, так узнаешь.

Клоун только защёлкал своими медными тарелками. Он вообще был легкомысленный мужчина.

Пришёл Петрушка и привёл с собой целую кучу гостей: собственную жену Матрёну Ивановну, немца-доктора Карла Иваныча и большеносого Цыгана; а Цыган притащил с собой трёхногую лошадь.

– Ну, Ванька, принимай гостей! – весело заговорил Петрушка, щёлкая себя по носу. – Один другого лучше. Одна моя Матрёна Ивановна чего стоит... Очень она любит у меня чай пить, точно утка.

– Найдём и чай, Пётр Иваныч, – ответил Ванька. – А мы хорошим гостям всегда рады... Садитесь, Матрёна Ивановна! Карл Иваныч, милости просим...

Пришли ещё Медведь с Зайцем, серенький бабушкин Козлик с Уточкой-хохлаткой, Петушок с Волком – всем место нашлось у Ваньки.

Последними пришли Алёнушкин Башмачок и Алёнушкина Метёлочка. Посмотрели они – все места заняты, а Метёлочка сказала:

– Ничего, я и в уголке постою...

А Башмачок ничего не сказал и молча залез под диван. Это был очень почтенный Башмачок, хотя и стоптанный. Его немного смущала только дырочка, которая была на самом носике. Ну, да ничего, под диваном никто не заметит.

– Эй, музыка! – скомандовал Ванька.

Забил барабан: тра-та! та-та! Заиграли трубы: тру-ту! И всем гостям вдруг сделалось так весело, так весело...

Праздник начался отлично. Бил барабан сам собой, играли сами трубы, жужжал Волчок, звенел своими тарелочками Клоун, а Петрушка неистово пищал. Ах, как было весело!..

– Братцы, гуляй! – покрикивал Ванька, разглаживая свои льняные кудри.

Аня и Катя смеялись тонкими голосками, неуклюжий Медведь танцевал с Метёлочкой, серенький Козлик гулял с Уточкой-хохлаткой, Клоун кувыркался, показывая своё искусство, а доктор Карл Иванович спрашивал Матрёну Ивановну:

– Матрёна Ивановна, не болит ли у вас животик?

– Что вы, Карл Иванович? – обижалась Матрёна Ивановна. –

С чего вы это взяли?..

– А ну, покажите язык.

– Отстаньте, пожалуйста...

– Я здесь... – прозвенела тонким голоском серебряная Ложечка, которой Алёнушка ела свою кашку.

Она лежала до сих пор спокойно на столе, а когда доктор заговорил об языке, не утерпела и соскочила. Ведь доктор всегда при её помощи осматривает у Алёнушки язычок...

– Ах нет... не нужно! – запищала Матрёна Ивановна и так смешно размахивала руками, точно ветряная мельница.

– Что же, я не навязываюсь со своими услугами, – обиделась Ложечка.

Она даже хотела рассердиться, но в это время к ней подлетел Волчок, и они принялись танцевать. Волчок жужжал, Ложечка звенела... Даже Алёнушкин Башмачок не утерпел, вылез из-под дивана и шепнул Метёлочке:

– Я вас очень люблю, Метёлочка...

Метёлочка сладко закрыла глазки и только вздохнула. Она любила, чтобы её любили.

Ведь она всегда была такой скромной Метёлочкой и никогда не важничала, как это случалось иногда с другими. Например, Матрёна Ивановна или Аня и Катя, – эти милые куклы любили посмеяться над чужими недостатками: у Клоуна не хватало одной ноги, у Петрушки был длинный нос, у Карла Иваныча – лысина, Цыган походил на головешку, а всего

больше доставалось имениннику Ваньке.

– Он мужиковат немного, – говорила Катя.

– И, кроме того, хвостун, – прибавила Аня.

Повеселившись, все уселись за стол, и начался уже настоящий пир. Обед прошёл, как на настоящих именинах, хотя дело и не обошлось без маленьких недоразумений. Медведь по ошибке чуть не съел Зайчика вместо котлетки; Волчок чуть не подрался с Цыганом из-за Ложечки – последний хотел её украсть и уже спрятал было к себе в карман. Пётр Иванович, известный забияка, успел поссориться с женой, и поссорился из-за пустяков.

– Матрёна Ивановна, успокойтесь, – уговаривал её Карл Иванович. – Ведь Пётр Иванович добрый... У вас, может быть, болит головка? У меня есть с собой отличные порошки...

– Оставьте её, доктор, – говорил Петрушка. – Это уж такая невозможная женщина... А впрочем, я её очень люблю. Матрёна Ивановна, поцелуйтемтесь...

– Ура! – кричал Ванька. – Это гораздо лучше, чем ссориться. Терпеть не могу, когда люди ссорятся. Вон посмотрите...

Но тут случилось нечто совершенно неожиданное и такое ужасное, что даже страшно сказать.

Бил барабан: тра-та! та-та-та! Играли трубы: тру-ру! ру-ру-ру! Звенели тарелочки Клоуна, серебряным голоском смеялась Ложечка, жужжал Волчок, а развеселившийся Зайчик кричал: бо-бо-бо!.. Фарфоровая Собачка громко лаяла,

резиновая Кошечка ласково мяукала, а Медведь так притопывал ногой, что дрожал пол. Веселее всех оказался серенький бабушкин Козлик. Он, во-первых, танцевал лучше всех, а потом так смешно потряхивал своей бородой и скрипучим голосом ревел: мее-ке-ке!..

Позвольте, как всё это случилось? Очень трудно рассказать всё по порядку, потому что из участников происшествия помнил всё дело только один Алёнушкин Башмачок. Он был благоразумен и вовремя успел спрятаться под диван.

Да, так вот как было дело. Сначала пришли поздравить Ваньку деревянные кубики... Нет, опять не так. Началось совсем не с этого. Кубики действительно пришли, но всему виной была черноглазая Катя. Она, она – верно!.. Эта хорошенькая плутовка ещё в конце обеда шепнула Ане:

– А как ты думаешь, Аня, кто здесь всех красивее?

Кажется, вопрос самый простой, а между тем Матрёна Ивановна страшно обиделась и заявила Кате прямо:

– Что же вы думаете, что мой Пётр Иваныч урод?

– Никто этого не думает, Матрёна Ивановна, – попробовала оправдываться Катя, но было уже поздно.

– Конечно, нос у него немного велик, – продолжала Матрёна Ивановна. – Но ведь это заметно, если только смотреть на Петра Иваныча сбоку... Потом, у него дурная привычка страшно пищать и со всеми драться, но он всё-таки добрый человек. А что касается ума...

Куклы заспорили с таким азартом, что обратили на себя общее внимание. Вмешался прежде всего, конечно, Петрушка и пропищал:

– Верно, Матрёна Ивановна... Самый красивый человек здесь, конечно, я!

Тут уже все мужчины обиделись. Помилуйте, этакий самохвал этот Петрушка! Даже слушать противно! Клоун был не мастер говорить и обиделся молча, а зато доктор Карл Иванович сказал очень громко:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.